

Полячек Г. М.
рест

1984

ЖИВЕТ в Ленинграде чудак. Один из тех, без кого наш мир потускнел бы и обесцветился. Живет, живет, воюя с ветряными мельницами, в самом центре города. В переулке Крылова. И хотя жизнь не баловала чудака, он в свои семьдесят с лишним лет — счастливый человек. Это Г. М. Полячек.

Каждый день в любую погоду по-стариковски не спеша идет он с неизменным потертым кожаным портфелем мимо Екатерининского сквера, вдоль Анничкова дворца, сворачивает на Фонтанку. А дальше — Инженерный замок, Летний сад, улица Пестеля и, наконец, она — Моховая, 15... С одышкой и остановками (годы дают о себе знать) поднимается по пологой спиральной лестнице на высокий третий этаж. Достает ключ, поворачивает в замочной скважине и распахивает дверь, за которой слышен шелест голосов. Сотен голосов, когда-то заставлявших миллионы людей рыдать от смеха, неистовствовать от восторга в партере и на галерке, в ложах и бельэтаже...

Время от времени он звонит мне. И как только я слышу в телефонной трубке взволнованный голос, понимаю: он снова что-то нашел.

Так оно и есть.

— Приезжайте. Поскорей. Да, на Моховую, — выпаливает он в трубку.

Вот и здание на Моховой. Бывший особняк банкира Шрейдера. Мне он знаком десятки лет. Мимо этого особняка бегал я в школу. Помню: даже опаздывая на первый урок, всегда притормаживал возле его подвальных окошек. Потому что по утрам оттуда неслось неслыханное для Ленинграда кукареканье. Невидимые мне певцы изошрялись друг перед другом в звонкоголосые...

Эти утренние состязания притягивали к себе, как магнитом. Но только нас, мальчишек. Взрослые невозмутимо проходили мимо, бросив беглый взгляд на отлитое в бронзе название: «Институт усовершенствования ветеринарных врачей».

А потом настал день, когда сверкающие надраенной бронзой слова сменила скромная вывеска: «Ленинградский Дом журналистов». Затем здесь поселился Ленконцерт.

...Вхожу и слышу, как он кричит, перегнувшись через перила, с площадки третьего этажа.

— Где вы запропастились? Я же говорил: скорей!..

При первой нашей встрече

я не мог оторвать взгляда от прозрачного ореола волос, почти белых, поредевших, но упруго не желающих стать прилизанными. Я не заметил тогда, в какую секунду его глаза потеплели. Только почувствовал, что они уже не смотрят, а облучают и обволакивают меня волнами светлой стариковской доброты.

Мы разговорились, и я узнал, что еще школьником мой собеседник приохотился к ремеслу отца, парикмахера-гримера, вместе с ним работал в театре. Потом закончил театральную техникуму и был насильно — так сказал он сам — направлен режиссером в Ленинградский те-

атр музыкальной комедии. «Мы, тогдашние комсомольцы, рвались из Ленинграда в провинцию, убежденные, что именно там скорей смогли бы заменить Мейерхольда и, конечно же, «буржуазного спеца» Станиславского... Уехать мне не позволили и сразу же, как комсомольцу, поручили самостоятельную постановку. Актеры были первокурсные. Я им не мешал, а они терпеливо учили меня, как и чему надо учить их».

Встречи с интересными людьми

РАЗРЕШИТЕ ПОДАРИТЬ МУЗЕЙ

атр музыкальной комедии. «Мы, тогдашние комсомольцы, рвались из Ленинграда в провинцию, убежденные, что именно там скорей смогли бы заменить Мейерхольда и, конечно же, «буржуазного спеца» Станиславского... Уехать мне не позволили и сразу же, как комсомольцу, поручили самостоятельную постановку. Актеры были первокурсные. Я им не мешал, а они терпеливо учили меня, как и чему надо учить их».

В самую тяжкую пору блокады этот единственный партиярный, по выражению Григория Марковича, театр осажденного города почти каждый вечер открывал свои двери для изможденных голодом и холодом земляков («блокада стала самой активной страницей моей жизни. Я ставил один спектакль за другим: «Фялку Монмартра», «Периколу», «Продавца птиц»... И одновременно был секретарем партийной организации. Моя гордость: в первый год секретарства у нас работало 11 коммунистов, а к концу блокады — 43»).

Тридцать лет назад худрук Ленгосэстрады Юрий Сергеевич Юрский, отец ныне известного всем актера Сергея Юрского, сманил Г. М. Полячека к себе, главным режиссером. Вот тогда-то и вспыхнула в нем страсть коллекционера. «Обща-

дами истории», которые сохранялись в старых афишах и фотографиях, нотах и книгах, документах и концертных программах, театральные костюмы и маски и т. д. и т. п., Григорий Маркович собрал свыше 42 тысяч экспонатов. Эта коллекция, равной которой нет ни в одном государственном учреждении страны, и дала жизнь первому в мире Музею эстрады.

...Подгоняемый возбужденными репликами Полячека, я одолел последнюю ступеньку лестницы. И он горделиво повел меня через большой зал, кося глазом: не отстаю ли?

Пока осматриваюсь, примечая новые экспонаты, он колдует над замком сейфа, вытаскивает оттуда какие-то свертки, начинает шуршать оберточной бумагой.

— Если бы вы знали, — ликующе говорит он, — какую реликвию я сейчас покажу. Смотрите...

Вижу концертное платье. Длинное, до пола. Скромного серого цвета.

— В этом платье, — четко, с растяжкой выговаривает он слова, — последний раз в жизни выступала в Колонном зале Дома союзов Клавдия Ивановна Шульженко.

Минутная пауза.

— А вот, — снова шуршанье, — ее любимая кофейная чашка. С блюдцем. Принципиального

значения для творчества Клавдии Ивановны этот сувенир не имеет, но мне он дорог, потому что связан с именем артистки, которую все мы очень любили. — Шуршанье. — Ее веер... Синего платочка у меня нет, но будет обязательно, обещали прислать...

Здесь можно проводить дни напролет, разглядывая, перелистывая, трогая... Ноты и программа популярной в двадцатые годы композиции «Интернационал». Текст ее читал Антон Шварц, а танцевала эстрадная балерина Людмила Спокойская... Программа 1925 года «От трагедии к трагедии». Все роли исполняет один Леонид Утесов...

Здесь можно проводить дни напролет, разглядывая, перелистывая, трогая... Ноты и программа популярной в двадцатые годы композиции «Интернационал». Текст ее читал Антон Шварц, а танцевала эстрадная балерина Людмила Спокойская... Программа 1925 года «От трагедии к трагедии». Все роли исполняет один Леонид Утесов...

Афиша, призывающая прийти в Колонный зал Дома союзов на вечер эстрадного искусства, где Анатолий Васильевич Луначарский исполнил свои произведения из неизданного сборника «Эстрада»... Сорочка Шалапина с вышитыми инициалами «Ф. Ш.»... Знаменитая гитара Петра Муравского, вся испещренная автографами выдающихся мастеров культуры... Портрет кулестиста Ивана Гурко кисти В. Сварога... Папки с сотнями писем — Марии Павловны Чеховой, Исаака Бабеля, Леонида Утесова, Изабеллы Юрьевой, Тамары Ханум, Ирмы Яунзем, Виктора Ардова, Аркадия Райкина.

Нет, невозможно перечислить даже крохотную толику того, что есть, — это надо видеть. И надо слушать при этом самого хранителя:

— Что такое музей эстрады? В чем его отличие от театрального? Тот прежде всего — история спектаклей: «Дядя Ваня», «Чайка», «Дни Турбиных»... А этот — прежде всего сами люди: Смирнов-Сокольский, Образцов, Шульженко, Утесов, Райкин... Архивы музея — неисчерпаемый клад для драматургов и конференсе, режиссеров и историков эстрады.

Отзывы... отзывы... один восторженней другого. Но здесь мне придется, изменив законам жанра, перейти, увы, на прозу иного порядка.

...Для того, чтобы быть не просто счастливым, а очень счастливым человеком, Полячку не хватает самой малости. И об этом он с горечью написал в ленинградский корпусный «Известий»: «Я беру на себя смелость утверждать, что не все должностные лица ясно представляют себе значение этого музея. Между тем эстрада — искусство, которое, следуя крылатому выражению «утром — в газете, вечером — в куплете», откликалось на все события в жизни нашей страны за минувшие десятилетия... О чем я хлопочу? Чего я хочу? Только одного: предоставить мне возможность подарить моему городу музей. Считаю себя обязанным отметить, что большинство экспонатов, наиболее ценных, получено мною в дар. Но тысячи реликвий я приобрел и многие отстранивал за свои деньги. Я не собираюсь просить кого-либо о возмещении этих расходов. Я не согласен с теми, кто убеждает меня спокойно доживать свой век. Я прошу только об одном: пусть все останется людям».

Да, музея нет. Комната с отвалившимся потолком в особняке на Моховой — вот все, что пока нашлось в городе для бесценной коллекции. Хотя «Министерство культуры РСФСР» считает возможным рассмотреть варианты организации подобного музея» (1978 год). Хотя «коллектив Ленконцерта включил вопрос создания музея в план сообразительности на 1980 год». Хотя, наконец, есть категоричный приказ № 251 «о создании музея истории эстрадного искусства при Ленконцерте», подписанный год назад начальником главного управления культуры Ленгорисполкома Б. М. Скворцовым.

Ему и директору Ленконцерта К. П. Садовникову адресую первый вопрос: «Не знаете ли вы, где начало того конца, которым кончается начало?» А вот второй, попроще, только товарищу Скворцову: «Уважаемый Борис Михайлович! Имеют ли силу приказа ваши указы? Почему никто из сотрудников главка, ответственных за исполнение приказа № 251, палец о палец не ударил за весь год, чтобы выполнить ваши четкие распоряжения?»

Очень хотелось бы дождаться ответа...

В. НЕВЕЛЬСКИЙ,
соб. корр. «Известий».

ЛЕНИНГРАД.

ИЗВЕСТИЯ
г. Москва

25 ОКТ 1984